

HAL
open science

**Славянские уменьшительные суффиксы в диахронии:
спорные случаи и словообразовательные параллели с
другими индоевропейскими языками / Slavjanskije
umen'sitel'nye suffiksy v diaxronii : spornye slučai i
slovoobrazovatel'nye paralleli s drugimi indoevropskimi
jazykami**

Sergueï Sakhno

► **To cite this version:**

Sergueï Sakhno. Славянские уменьшительные суффиксы в диахронии: спорные случаи и словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками / Slavjanskije umen'sitel'nye suffiksy v diaxronii : spornye slučai i slovoobrazovatel'nye paralleli s drugimi indoevropskimi jazykami . I. Stramlič Slavic diminutive suffixes in diachrony and synchrony , Univerza v Mariboru, 2016. <halshs-01726036>

HAL Id: halshs-01726036

<https://shs.hal.science/halshs-01726036v1>

Submitted on 7 Mar 2018

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Славянские уменьшительные суффиксы в диахронии: спорные случаи и словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками

Обще-сл. *отьсь (< *ot-ĭk-os) образовано суффиксом *-ĭk-, причем возможно, что с уменьшительным значением; однако этот суффикс мог иметь иное значение (типа маркера адъективирования, ср. фр. разг. *paternel* ‘отцовский’ в значении ‘отец’). Если считать, что обще-сл. *сьльнце (основа *sulnĭko- содержит в диахронии уменьшительный суффикс *-ĭk-, то это аналогично народно-лат. уменьшительной форме *soliculus* (от лат. *sol*) ‘солнышко’, что объясняет фр. *soleil* ‘солнце’ – но семантика уменьшительности неочевидна даже в диахронии. Проанализированы и семантически более сложные соответствия – такие как уменьшительные формы общеславянского *oko – в их разных значениях, ср. рус. *очко*, учитывая, например, что рус. *очки* изосемантично с точки зрения уменьшительности фр. слову *lunettes* ‘очки’, которое диахронически является деминутивом (от фр. *lune* ‘луна’).

PSl *отьсь (< *ot-ĭk-os) was built with a suffix *-ĭk- probably having a diminutive sense (‘little father, daddy’); but *-ĭk- may be an adjectivizing suffix (cf. French colloquial *mon paternel* ‘my father’). If PSl *сьльнце ‘sun’ is supposedly from *sulnĭko-, with a diminutive suffix *-ĭk- / -ik-, it may be analogous to the origin of French *soleil* ‘sun’ – but diminutiveness is semantically more than problematic, even in diachrony. Other Slavic-Romance diachronical derivational matches are to be analyzed, some of them being semantically rather complex, cf. PSl *oko, R *oko* ‘eye’ compared to their diminutives, Russian *о́чко* in their different meanings (< in diachrony ‘little eye’), R *о́чки* ‘optical glasses’: the latter is similar to Fr *lunettes*, a diminutive in diachrony (< *lune* ‘moon’).

Ключевые слова: словообразование, уменьшительность, суффиксация, славянско-романские параллели

Key words: derivation, suffixation, diminutiveness, Slavic-Romance parallels

Роль славянских уменьшительных суффиксов в диахронии давно известна, прежде всего в области существительных, и в целом она хорошо изучена (Meillet 1934: 361, Vaillant 1974, Трубочёв 1974–2013, Grandi 2014). Однако, особенно на уровне реконструкции общеславянской лексики, многие моменты остаются не совсем ясными или даже спорными. Это проявляется в частности в русских этимологических словарях, когда нередко общеславянский этимон того или иного слова признается деминутивом в одном словаре (Фасмер 1986), но деминутивность оспаривается в другом словаре (Черных 1993). Наиболее трудным оказывается семантический аспект: например, если считать, что обще-сл. **sьrdьce* – деминутив (т. е. **sird-ik-o* от **sьrdь*), как семантически обосновать эту деминутивность? Иногда признание или непризнание деминутивности связано с этимологизацией: так, (Фасмер 1986) оспаривает связь обще-сл. **želqđьсь*, **želqđькь* ‘желудок’ с обще-сл. **želqđь* / **želqđь* ‘жёлудь’, предлагая иную этимологию (и тем самым деминутивность исключается), в то время как для (Черных 1993) эта связь ясна (сходство между жёлудем и желудком рыб, птиц или с жёлчным пузырем) и деминутивность в диахронии неоспорима¹.

При этом исследователю следует избегать прямолинейных и некритических выводов. Как справедливо показывает С. Менгель (Менгель 2010, 2014), диахронный подход к славянскому словообразованию требует последовательности и системности. Критерий системности в семантической реконструкции (в сочетании с мифологическими, социально-историческими и иными данными) наиболее важен (Benveniste 1969, Mallory, Adams 1997), но на практике применяется недостаточно последовательно.

В ряде спорных случаев могут помочь словообразовательные параллели с другими индоевропейскими языками, но и к ним следует подходить с осторожностью и системно. Кроме того, не всегда ясно, является ли деминутивность общеславянского этимона исконно славянской или же это результат древней кальки (ср. обще-сл. **мушьса* ‘рука, плечо, мышца’ и лат. **mūsculus* ‘мышца’).

¹ По (Vaillant 1974), связь с ‘жёлудь’ есть, но деминутивность менее очевидна, и семантическое обоснование суффикса предлагается несколько иное (первоначальное сингулятивное значение: **želqđькь* ‘жёлудь’ < **želqđь* / **želqđь* ‘сбор желудей’, ‘желуди как корм’). Заметим, что здесь может помочь и важная этимологическая параллель с рус. *гланда* ‘небная миндалина; железа’, от фр. *glande* < лат. *glans, glandis* ‘жёлудь’ < и.-е. **g^welh_a-* ‘жёлудь’.

1 ОБЩЕ-СЛ. *МУՖЬСА, *МУՖЬКА ‘РУКА, ПЛЕЧО, МЫШЦА’

Исследователю-этимологу кажется очевидным сходство между обще-сл. **муѡьса*, **муѡька* ‘рука, плечо, мышца’ (от **муѡь* ‘мышь’) и лат. *mūsculus* = *mūs-cul-us* ‘мышца’ (< **mūs-tl-o-*), явным деминутивом от лат. *mūs* ‘мышь’ (Ernout, Meillet 1951). Ср. рус. *мышца*, *мышка* (в выражении *под мышкой*) и рефлексы лат. *mūsculus* как книжного заимствования в европейских языках (англ., фр. *muscle*, рус. *мускул*, и т. д.).

По данным (Трубачёв 1974–2013), вряд ли это результат древней кальки с латинского: с одной стороны, обращает на себя внимание богатство общеславянской деминутивной суффиксации (ср. также обще-сл. **муѡьна* и **муѡьница* ‘мышинный помет’; мышеловка; мышьяк; ‘рука, плечо, мышца, подмышка’), а с другой стороны, немаловажна стойкая полисемия (так, рефлексы обще-сл. **муѡька* сохраняют разные значения в современных славянских языках и диалектах: ‘мышь, мышка’; ‘рука, плечо, мышца’; ‘стебель, ветвь, отрасль; опухоль, желвак под кожей у животных’, и др.). Обращают на себя внимание факты двойной суффиксации (цслав. *мышьчица* ‘рука’) и частичное совпадение с деминутивной суффиксацией от общеславянского **мѡьха* ‘муха’ и от гипотетически реконструируемого **муѡь* ‘насекомое, мошка’: **муѡьса* ‘насекомое, мошка, мушка’, **муѡьса* ‘насекомое’².

В других индоевропейских языках есть похожая деминутивная суффиксация (ср. др.-инд. *mūṣikā* ‘мышка’ и ‘мышца’, от *mūṣ* ‘мышь’), но она не обязательна, и часто наблюдается лишь семантическая деривация: греч. *mys* ‘мышь’, ‘мышца’, ‘мидия (моллюск)’, ‘вид рыбы’; др.-исл. *mūs* ‘мышь’, ‘мышца’; др.-в.-нем. *mūs* ‘мышь’, ‘мягкая часть большого пальца; мышца плеча, руки’³. Однако значение ‘мидия (моллюск)’ связано с деминутивной суффиксацией в греч. *mytilos* ‘мидия (моллюск)’ < *mys* ‘мышь’, ‘мидия (моллюск)’⁴.

Если предполагать дославянскую древность деминутивной суффиксации с реконструкцией типа индо-евр. **mūs-tlo-* ‘мышка’ и ‘мышца’ (Mallory, Adams 1997), то нельзя не учитывать лат. *mūstē(l)la* = *mūs-tel-a* ‘ласка’ и

² Что аналогично лат. *muscula* ‘мушка, мошка’ < лат. *musca* ‘муха’.

³ (Трубачёв 1974–2013) указывает, что редко обще-сл. **муѡь* ‘мышь’ может иметь значение ‘мышца’: срб.-хрвт. *миш*, в.-луж. *муѡь*. Однако ныне это значение является, видимо, устарелым или узко диалектным в данных славянских языках (мы искренне благодарим коллег за это уточнение во время конференции).

⁴ Ср. также фр. *moule*, англ. *mussel*, нем. *Muschel* ‘мидия (моллюск)’ от лат. *mūsculus* ‘мидия (моллюск)’, явно связанного с *mūsculus* ‘мышка’ < *mūs* ‘мышь’.

гипотетически ‘род миноги или угря’ (< лат. *mūs* ‘мышца’), что сходно с обще-сл. **mystlb* = **mys-tl-ь* ‘белка’ > др.-рус. *мыс(л)ь* ‘белка’.

Семантическая нетривиальность перехода ‘мышь, мышка’ > ‘рука, плечо, мышца’ вызывает споры, но переход объясним (некоторое сходство двигающегося под кожей мускула предплечья с мышью, а также с некоторыми видами рыб или моллюсков) и не является семантически уникальным, ср. лат. *lacerta* ‘ящерица’ (> фр. *lézard* ‘ящерица’, исп. *lagarto* ‘ящерица’ > *el lagarto de Indias* > *alligator* ‘аллигатор’) и лат. *lacertus* ‘мышца плеча, руки’ (возможно, родственное англ. *leg* ‘нога’), фр. *souris d’agneau* (букв. «мышь барашка») ‘мясистая часть бараньего окорока’.

Сложнее семантически обосновать древнюю (видимо, общеиндоевропейскую и дославянскую) суффиксальную деминутивность индо-евр. **mūs-tlo-* ‘мышца’. Вряд ли следует понимать ее прямолинейно (если учитывать, что мускул предплечья человека массивнее тела мыши): нужно скорее рассматривать ее как маркер семантического перехода, что схоже с известными во многих языках фактами деминутивной суффиксации типа рус. *спина (человека)* > *спинка (стула, кресла)*, фр. *cheval* ‘конь’ > *chevalet* (букв. «конёк») ‘любая техническая, строительная подпора (в том числе мольберт, опора моста, и т. д.)’.

2 ОБЩЕ-СЛ. **отьсь* ‘ОТЕЦ’

Является ли обще-сл. **отьсь* (ср. рус. *отец*, поль. *ojciec*, чеш. *otec*, словк. *otec*, с.-хорв. *otac*, словн. *oče*, в.-луж. *wótc* и т. д.) деминутивом с уменьшительным суффиксом **-ĭk-* (<**ot-ĭk-os*)? Вопрос давно вызывает споры (Трубачёв 1959), и признание деминутивности нередко сочетается с подчеркиванием факта, что общеславянский не обозначает отца корнем, связанным с общеиндоевропейским **ph_{at}er* ‘фактический и юридический отец, отец как глава семейства’, как в лат. *pater* (ср. *pater familias*), греч. *patēr*, нем. *Vater*, англ. *father*, что якобы соотносимо с идеей отсутствия у древних славян четкой юридической организации (Meillet 1934). Но зато важным рефлексом общеиндоевропейского **ph_{at}er* выступает обще-сл. **stryjь* ‘дядя со стороны отца’. Без суффикса обще-сл. основа **оть* (ср. греч. *atta*, гот. *atta* ‘отец, папа’, лат. *atta* ‘дед’) наблюдается в ст.-слав. *отнь* ‘отцовский’, русск. диал. *безотной* ‘не имеющий отца’.

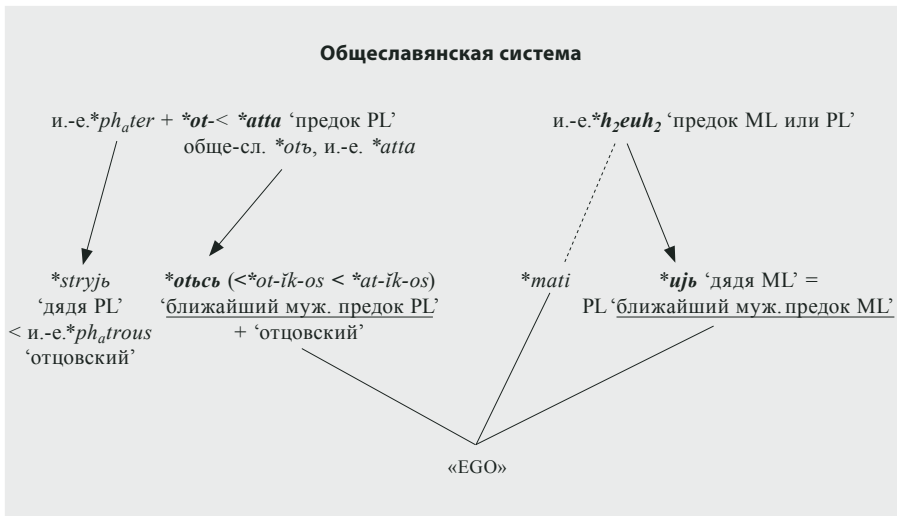
Согласно (Трубачёв 1959), суффикс **-ĭk-* нужно здесь скорее рассматривать как маркер адъективирования, чему есть немало общеиндоевропейских параллелей, ср. греч. *Attikē* ‘Аттика’, букв. ‘отцовская (страна)’

< *attikos* < **att-i(l)ko-s* < *atta* ‘отец’; др.-в.-нем. *eninchild* ‘внук’ < ‘дедов’ (др.-в.-нем. *ano*, нем. *Ahn* ‘дед, предок’); литовск. *broli-ika-s* ‘племянник по брату, сын брата’ < ‘братьев’ < *brolis* ‘брат’. Сюда же можно добавить фр. разг. *paternel* ‘отцовский’ в значении ‘отец’.

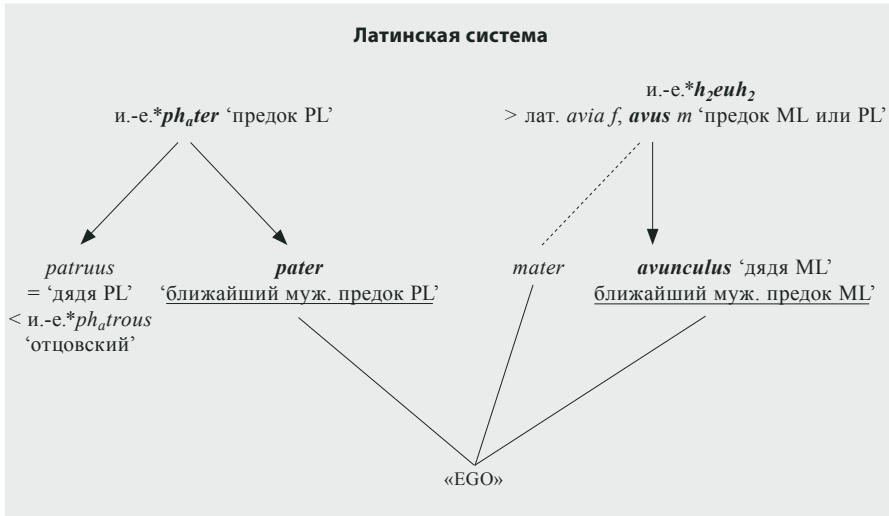
Обращают на себя внимание обще-сл. **synovъsъ* ‘сын брата’ и факты новой деминутивной суффиксации типа польск. *ojcieńko* ‘папочка’.

Но, учитывая сложную типологию индоевропейского родства («патри-авункулат»)⁵, Mallogy, Adams 1997) и важную словообразовательную параллель с лат. *avunculus* (<**avu-n-tl-os*) ‘дядя со стороны матери’ (> англ. *uncle*, фр. *oncle*, нем. *Onkel* ‘дядя’), уменьшительный дериват от *avus* ‘дед со стороны матери, предок’, мы предлагаем иную гипотезу, совмещающую адъективирование с уменьшительностью.

Схематически общеславянская система аналогична и частично симметрична латинской (PL: патрилинейность, ML: матрилинейность):

⁵ В системе индоевропейского родства по принципу «авункулата», дядя со стороны матери мог играть роль «квази-отца, особо близкого к ребенку», в отличие от концепта «фактического юридического отца» (**ph_ater*). Эта роль как бы проецируется на обще-сл. **otъ* ‘предок’: и в **otъsъ* строится концепт «фактического отца, особо близкого к ребенку».

Таким образом, в этом структурно-семантическом представлении обще-сл. **otъсь* (<**otъ* 'предок PL') интерпретируется и в плане адъективирования как аналог **stryjъ* 'дядя PL' < 'отцовский'), и в плане деминутивности как концепт «фактического отца, особо (аффективно) близкого к ребенку» – то есть как смысловой аналог обще-сл. **ujъ* 'дядя со стороны матери' в роли «квази-отца, особо близкого к ребенку», в отличие от концепта индоевропейского «фактического юридического отца без указания на аффективную близость к ребенку» (**phater*).

3 ОБЩЕ-СЛ. **sъrdьce* 'СЕРДЦЕ'

Семантически обосновать древнюю суффиксальную деминутивность обще-сл. **sъrdьce* < **sird-ik-o* < **sъrdь* сложно. Этимон мог быть и без суффикса: ср. старосл. *милосръдь*, рус. *милосердный*, *сердобольный*. Если учитывать словообразовательные параллели с лат. *corculum* и *corcillum* 'сердечко', деминутивы от *cor*, *cordis* 'сердце', то гипокористика кажется вероятной гипотезой.

Однако возможен иной семантический механизм, и деминутивность нужно скорее рассматривать как маркер семантического перехода в связи с необходимостью семантической дифференциации или же с необходимостью подчеркивания некоторого признака: так, лат. *corcillum* значило не только 'сердечко', но и 'рассудок, душевные качества (переносн.)'.

Можно в частности предполагать, что обще-сл. **sьrdь* совмещало значения ‘сердце’ и ‘середина’, что вызывало необходимость семантической дифференциации, то есть: **sьrdь* ‘сердце + середина’ > **sьrdьсе* ‘малое (самое) сердце’ / ‘малая (самая) середина’ («the very heart / the very middle») или ‘середина, наиболее близкая к человеку и концентрирующая его жизненную силу, а также его рассудок, душевные качества’.

Сходные семантические механизмы наблюдаются в рус. (истор.) *Малая Русь* ‘историческое сердце, исторический центр Руси’, рус. *малая родина* ‘конкретное место, где родился и вырос человек’, рус. *сосредоточить* = *со-сред-о-точ-ить*, рус. *попасть в яблочко* (но не в **яблоко*), а также во фр. *Paris intra muros* ‘Париж в стенах, т. е. малый (сам, собственно, и т. д.) Париж’, *la petite couronne de Paris* ‘малая пригородная корона Парижа, почти Париж’ – в отличие от фр. *la grande couronne de Paris*, ‘большая пригородная корона Парижа, уже не Париж’, *la grande banlieue* ‘большие дальние пригороды Парижа’, *le Grand Paris* ‘Большой Париж со всеми его пригородами’⁶.

Ср. также обще-сл. **serda* ‘середина’ и рус. *среда* с его полисемией по отношению к деминутиву *серёдка* (разг.) и к *середина*, где «возвращение» к конкретной семантике достигается суффиксацией семантически деминутивного или сингулятивного типа.

4 ФАКТЫ ИЗОСЕМАНТИЧНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ УМЕНЬШИТЕЛЬНОСТИ:

ОБЩЕ-СЛ. **sьlnьсе*, ОБЩЕ-СЛ. **mēsęсь* И РУС. ЛУНКА ‘ЯМКА, УГЛУБЛЕНИЕ; ПРУРЬ В ОЛДУ’

Деминутивность обще-сл. **sьlnьсе* < **suln-ik-o* / **suln-ik-o* < и.-е. **seh_{au}l-* кажется проблематичной, хотя уменьшительный суффикс **-ik-* признается во многих работах (Buck 1949, Фасмер 1986, Mallory, Adams 1997). Это вполне аналогично народно-лат. уменьшительной форме *soliculus* (< **soli-tl-os*, от лат. *sol*) ‘солнышко’, что объясняет фр. *soleil* ‘солнце’.

Все славянские рефлексy **sьlnьсе* сохраняют следы этого суффикса: рус. *солнце*, укр. *сонце*, поль. *śłońce*, чеш. *slunce*, болг. *слънце*, с.-хорв. *sunce*, словн. *slōnce*, словк. *slnce*, в.-луж. *slonco* – но семантика уменьшительности неочевидна даже в диахронии. Есть и дериваты без суффикса: ср. старосл. *безслъньнь* = *без-слънь-нь* ‘лишенный солнечного света’. Новая

⁶ Наоборот, в англ. *hypercenter (of a town)* ‘гиперцентр’ наблюдается семантический механизм увеличительности.

уменьшительная суффиксация наблюдается в болг. *слънчице*, словн. *slónčese*, с.-хорв. *súnašce*, польск. *sloneczko*, *slonko*, в.-луж. *slončko*, рус. *солнышко*.

Семантика деминутивности может быть связана с концептом «задабривания» (*captatio benevolentiae*), и гипокористика кажется вероятной гипотезой. Но важно, что деминутивность обще-сл. **sъlnьse* симметрична вероятной деминутивности обще-сл. **měsєць* < **mēsen-k-o*, которую подтверждают многие словообразовательные параллели типа литов. *mėnulis* ‘луна’ < уменьшит. от *mėnuo* ‘луна, месяц (как светило и как период)’, польск. *księżyc* ‘луна, месяц’ < уменьшит. от *księż* ‘князь’. Обращают на себя внимание в.-луж. *měsac* ‘месяц как период’ и *měsačk* ‘месяц как светило, луна’, новогреч. *pheggari* ‘луна, месяц’ < уменьшит. от греч. *pheggos* ‘сияние, свет’. Необходимость семантической дифференциации подобного рода может быть основной причиной исторической деминутивности обозначений светил.

Кроме того, данные факты изосемантичны, по нашему мнению, явной деминутивности рус. *лунка* ‘ямка, углубление; прорубь во льду’; ‘стриженная маковка раскольников’, возможного деривата от *луна*. (Фасмер 1986), учитывая рус. диал. *лумка* ‘ямка’, объясняет *лунка* иначе: как заимствование из нем. диал. *Luhme* ‘прорубь’ (слова с неясной этимологией). Но рус. *луночка* (ногтя) < *лунка* ‘серпик’ явно аналогично фр. *lunule* ‘луночка (ногтя)’ < лат. *lūnula* ‘луночка, серпик’ < лат. *lūna* ‘луна’. В основе этих фактов может лежать понятие «ущербности» месяца, связанной с фазами луны. В данной семантической конфигурации значение ‘ямка, углубление’ вполне закономерно:

Далее, принцип изосемантичности прослеживается и в таких деривационно-семантических параллелях с точки зрения уменьшительности, как:

- а) рус. *люнет* ‘отверстие; полукруглая фортификация’ < фр. *lunette* (деминутив) фр. *lune* ‘луна’ < лат. *lūna* ‘луна’;
- б) фр. *lunettes* (деминутив) ‘очки’ < ‘подзорная труба, телескоп’ < круглое зеркало, круглое оптическое стекло’, ‘круглое отверстие’ и рус. *очки* < *очко* ‘круглый значок, точка; узкое отверстие’, которое диахронически является деминутивом (< общеслав. **očьko* < **oko*);

- в) рус. *лунка* ‘ямка, углубление; прорубь во льду’ и фр. *oeillet* букв. «глазок» ‘ямка, часть бассейна для добычи морской соли’ < *œil* ‘глаз’ < лат. *oculus* ‘глаз’⁷;
- г) рус. *очко* ‘круглый значок, точка; узкое отверстие’; (рус. арг.) ‘анус’ и фр. *ocelle* ‘круглое пятно на шкуре животного’ < лат. *ocellus* (деминутив) < лат. *oculus* ‘глаз’, а также фр. *œil* ‘глаз’ (арго: ‘анус’) < лат. *oculus* ‘глаз’;
- д) рус. простореч., арг. *очко* (в туалете) ‘унитаз, дыра в сортире’ и фр. *lunette de WC* ‘откидное сиденье для унитаза’.

Следует учитывать и иные славянские факты: болг. *луна* ‘луна’ в сравнении с *луна*, *луничка* ‘веснушка’, *луници* ‘веснушки’ (что может быть связано с пятнами, «щербинками» на видимом диске луны), а также словн. *lunka* ‘колыбель для ребенка, люлька’.

Как итог, следует подчеркнуть важность дальнейшего исследования деривационно-семантических параллелей в диахронии с точки зрения уменьшительности: словообразовательные параллели между славянскими и другими (не)индоевропейскими языками могут помочь лучше понять семантику «малости» (в частности, переход от «малости» к идее «наибольшей близости к субъекту») и семантику деминутива как маркера сложной семантической деривации.

ЛИТЕРАТУРА

- E. BENVENISTE, 1969: *Vocabulaire des institutions indo-européennes*. Т. 1–2, Paris: Minuit.
- D. BUCK, 1949: *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- N. GRANDI, 2014: Renewal and innovation in the emergence of Indo-European evaluative morphology lexis. *Diminutives and augmentatives in the languages of the world*, *E-Journal in English Lexicology*, 6. Dir. Livia Körtvelyessy, Pavel Stekauer. <http://lexis.univ-lyon3.fr/IMG/pdf/Lexis_6_-_Grandi.pdf>.
- A. ERNOUT, A. MEILLET, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. Paris: Klincksieck, 1951.
- J. P. MALLORY & D. Q. ADAMS (eds.), 1997: *Encyclopaedia of Indo-European culture*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn.

⁷ Лат. *oculus* (ср. рус. *око*) диахронически вряд ли является деминутивом: суффикс *-l-* имеет, видимо, значение «активной субстанции» (Ernout, Meillet 1951.)

A. MEILLET, 1934: *Le slave commun*. Paris: Champion.

С. МЕНГЕЛЬ, 2010: Концепт – ментальность – язык: философия языка В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни в свете современных лингвистических теорий. *Відображення історії та культури народу в словотворенні*. Київ, 165–175.

С. МЕНГЕЛЬ, 2014: Особенности славянского словообразования в диахронно-историч. аспекте. *Slavische Worbildung im Vergleich*. Dir. S. Mengel. Berlin: Lit Verlag, 104–128.

A. VAILLANT, 1974: *Grammaire comparée des langues slaves*. Tome 4. *La formation des noms*. Paris: Klincksieck.

О. Н. ТРУБАЧЁВ (гл. ред.), 1974–2013: *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 1–39. Москва: Наука.

О. Н. ТРУБАЧЁВ, 1959: *История славянских терминов родства*. Москва: Наука.

И. С. УЛУХАНОВ, 1992: Мотивация и производность. *Вопросы языкознания*, 2, 37–67.

М. ФАСМЕР, 1987: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Москва: Прогресс.

П. Я. ЧЕРНЫХ, 1993: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. 1–2. Москва: Русский язык.

SUMMARY

Slavic diminutive suffixes in diachrony: debatable cases and derivational parallels with other I.-Eu. languages

As commonly assumed, Proto-Slavic **otъсь* (<**ot-ĭk-os*) was built with a suffix **-ĭk-* probably having a diminutive sense ('little father, daddy'); but **-ĭk-* may also be an adjectivizing suffix ('father's one, paternal', cf. French colloquial *mon paternel* 'my father'). Semantically, both explanations can be conflated, if considering I.-Eu. data such as Latin *avunculus* 'maternal uncle', diminutive of *avus* 'grandfather'. If PSI **sъlnьce* 'sun' is supposedly from **sulnĭko-/sulniko-* (supposedly hypocoristic sense: 'little sun'), it may be analogous to the origin of French *soleil* 'sun' which comes back to a Vulgar Latin diminutive form *soliculus*. In such cases, diminutiveness is semantically problematic, even in diachrony. Other Proto-Slavic forms and Slavic-Romance diachronical derivational matches are analyzed, some of them being semantically rather complex, e. g. P. Sl. **sъrdьce* (< **sĭrdĭko-*), probably a diminutive, compared to Latin *corculum* and *corcillum* 'little heart'.